

Графъ Е. А. САЛІАСЪ.

ПАНДУРОЧКА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

Изданіе А. А. Петровича.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.

Москва—1905.

Доволено цензурою. Москва, 1 августа 1905 г.

I.

Верстахъ въ тридцати отъ города Кирсанова, въ глухомъ мѣстѣ, съ трехъ сторонъ окруженномъ дремучимъ лѣсомъ, стояла усадьба Кузьминка. Барскій домъ и надворныя строенія помѣщика средней руки отличались тѣмъ, что были совсѣмъ новые, какъ бы съ иглочки.

Кузьминка не была стариннымъ родовымъ имѣніемъ. Два года тому назадъ на этомъ же мѣстѣ былъ лишь поселокъ въ четыре двора и полная лѣсная глушь, гдѣ зимою бродили волки стаями.

Капитанъ пандурскаго полка въ отставкѣ, Кузьма Васильевичъ Карсановъ, купилъ у товарища по полку пятьдесятъ душъ крестьянъ и сталъ строиться, но не тамъ, гдѣ была деревня, а въ шести верстахъ отъ нея, на клочкѣ земли, принадлежавшемъ къ тому же имѣнію и гдѣ былъ выселокъ въ одиннадцать душъ.

Здѣсь пандурскій капитанъ быстро выстроилъ домъ и службы, разумѣется, умышленно выбравъ глухое мѣсто. Обстоятельства его жизни сложились такъ, что онъ искалъ полного уединенія.

Пандуръ, сдѣлавшій три кампаніи, отличившійся во всѣхъ встрѣчахъ съ непріателемъ, а дрался онъ и съ нѣмцемъ, и съ туркой, и со шведомъ, былъ два раза раненъ и уже пятидесяти шести лѣтъ вышелъ въ отставку. Разумѣется, Кузьма Васильевичъ—бравый офицеръ, воинъ по призванію и склонностямъ характера—остался бы служить царицѣ до послѣдняго издыханія, если бы въ его жизни не приключилось нѣчто чрезвычайное.

Всю свою жизнь капитанъ училъ солдатъ военному артикулу, почти всю жизнь воевалъ, начавъ военное поприще еще во дни императрицы Елисаветы, и ни разу за всю свою жизнь не позволилъ себѣ увлечься чѣмъ-либо постороннимъ военному дѣлу. Что касается до женщинъ, то онѣ для капитана совсѣмъ не существовали. Когда ему говорили про прекрасный полъ, онъ отвѣчалъ, брюзжа:

— По-моему, его бы звать «подлый полъ»!

И капитанъ горячо доказывалъ, что всѣ гадости на свѣтѣ происходятъ отъ женщины.

— Кабы не баба—на землѣ бы рай былъ, какъ на то указываетъ Священное писаніе.

— Что вы! Что вы! Откуда вы это взяли?—изумлялись собесѣдники.

— Посудите,—объяснялъ Карсановъ совершенно серьезно.

Первая же уродившаяся на свѣтъ женщина—наша праматерь Ева—какъ только ступила первый шагъ въ рай, такъ сейчасъ же съ чортомъ связалась. Сказывается въ Священномъ писаніи, что якобы это былъ змій. Это такъ... иносказательное повѣствованіе. Это былъ ея пріятель, съ которымъ она мужа обманывала. За это ее Господь и выгналъ вмѣстѣ съ супругомъ изъ рая, иначе сказать, рай исчезъ, и они просто очутились на землѣ.

Когда капитану доказывали, что въ тѣ поры помимо Адама не было ни единого другого человѣка на свѣтѣ, то капитанъ объяснялъ:

— Я же вамъ и не говорю, что это былъ человѣкъ, а чортъ въ видѣ молодого человѣка. И вотъ отъ него-то Каинъ и родился, отъ него-то и пошло въ мірѣ зло. Второй сынъ былъ отъ Адама. И вотъ хорошіе люди—потомки Авеля, дурные люди—потомки Каина. И въ этихъ двухъ потомствахъ добро и зло и борются между собой.

Цѣлая исторія, даже цѣлая теорія имѣлась у Карсанова на этотъ счетъ. Впрочемъ, не онъ самъ ее придумалъ, а передавалъ со словъ своего друга, одного архимандрита.

— Нѣтъ на свѣтѣ ни единой женщины честной, нѣтъ ни единой супруги вѣрной. Всѣ въ праматерь свою!—добавлялъ капитанъ.

Когда Карсанову было уже за сорокъ лѣтъ, онъ былъ извѣщенъ, что его товарищъ и другъ, убитый на войнѣ, назначилъ его по завѣщанію своимъ душеприказчикомъ, да вдобавокъ опекуномъ дочери-крошки лѣтъ двухъ.

Дѣлать было нечего. Пандуръ занялся дѣлами и дѣвочкой сиротой. Разумѣется, онъ оставался въ полку и заглазно управлялъ ея маленькимъ имѣніемъ въ Воронежской губерніи, а ее самое тоже заглазно передалъ на воспитаніе и попеченіе своей дальней родственницѣ. И только спустя десять лѣтъ, посланный по дѣламъ службы въ Воронежъ, онъ заѣхалъ поглядѣть на свою питомицу.

Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка удивила капитана. Она была и красива, и умна, и бойка удивительно, только черезчуръ мала. Ей казалось лѣтъ семь или восемь, такъ что если еще и подрастетъ немножко, то все-таки будетъ карлицей.

Однако, проживъ мѣсяцъ у родственницы, старикъ пандуръ привязался къ сиротѣ. Вернувшись въ полкъ, онъ чаще писалъ старухѣ, чаще справлялся о питомицѣ, а черезъ два года опять поѣхалъ въ Воронежъ уже исключительно затѣмъ, чтобы поглядѣть, подросла ли маленькая Аннушка. Оказалось, что дѣвочка подросла, стала еще красивѣе и умнѣе, и еще бойчѣе. Но ростомъ... чуть не бирюлька!

Въ этотъ пріѣздъ Карсановъ пробылъ мѣсяца два и окончательно привязался къ Аннушкѣ, не отходилъ отъ нея ни на шагъ, но, однако, странное, не отеческое чувство овладѣло имъ.

За нѣсколько дней до того, какъ приходилось снова возвращаться въ полкъ, семидесятилѣтняя старушка-родственница объ-

яснила Кузьмѣ Васильевичу, что ему придется озаботиться судьбой питомицы больше, чѣмъ когда-либо: придется ее взять къ себѣ.

— Зачѣмъ, матушка сестрица?

Капитанъ всегда величалъ такъ родственницу.

Старушка объяснила:

— Я умирать собираюсь и скоро. Стало быть, лучше бы вамъ ее съ собой теперь же взять.

На рѣшительный отказъ Карсанова старушка настаивала, говоря, что съ кѣмъ же дѣвочка останется, когда она помретъ. Капитанъ объяснилъ старушкѣ, что она можетъ еще прожить смѣло лѣтъ десять-пятнадцать. Старушка обидѣлась:

— Что же ты меня за лгунью, что ли, считаешь? Говорю я вамъ, черезъ недѣлю Богу душу отдамъ. Я, слава Богу, никогда во вралихахъ не была.

Капитанъ пересталъ спорить, но все-таки продолжалъ собирать-ся въ дорогу. Видя это, старушка настояла, чтобы родственникъ обождалъ до слѣдующаго вторника.

— Да зачѣмъ, матушка сестрица?

— А зачѣмъ, батюшка братецъ, что подъ вторникъ или въ самый во вторникъ на зарѣ я помру. Ты меня похоронишь, а Аннушку съ собой увезешь поневолѣ.

«Ну, старуха», думалъ капитанъ, «упряма!»

Нечего дѣлать, пришлось остаться Карсанову до вторника, надѣясь, что старуха его не заставитъ ждать опять своей предполагаемой смерти до слѣдующаго вторника и что можно будетъ выѣхать. Однако Карсановъ ошибся.

Пришелъ вторникъ. Старушка была въ добромъ духѣ и послѣ полудня, сидя и вышивая въ пальцахъ, кротко пересмѣивалась съ сидѣвшей около нея дѣвочкой. Обѣ онѣ были заняты важнымъ дѣломъ: работали на перегонки. Аннушка наматывала клубокъ шерсти, а старушка доканчивала какой-то листокъ по канвѣ. Ради шутки онѣ условились, что кто кого перегонитъ, выиграетъ крымское яблочко. Бойкая и шустрая Аннушка спѣшила изъ всѣхъ своихъ силъ размотать шерсть, чтобы обогнать бабушку и получить румяное яблочко, соблазномъ лежавшее на столѣ.

— Готово!—воскликнула она, наконецъ, вскочивъ съ мѣста и держа клубокъ надъ головой.

— Умница!—произнесла твердо старушка.—Но вотъ... Вотъ и у меня...—тише сказала она, выпрямляясь отъ пялецъ и прислоняясь къ спинкѣ своего кресла.

Аннушка поглядѣла... И дѣйствительно, зеленый листикъ былъ тоже оконченъ.

— А все-таки же я первая!—вскрикнула она.

Бабушка ничего не отвѣчала. Аннушка испугалась: «неужели бабушка надуетъ, заспорить!»

— Вѣдь я? Я?—опять спросила дѣвочка, но бабушка продолжала сидѣть молча и глядя на нее какими-то чудными глазами. Потомъ она склонила голову на бокъ, да какъ-то удивительно. Го-

лова все повисала и повисала и такъ совсѣмъ повисла, что ухомъ почти легла на плечо.

Старушка доказала въ послѣдній разъ, что никогда во враль-кахъ не была.

Послѣ похоронъ волей-неволей капитанъ, смущаясь, все-таки взять питомицу и съ ней вмѣстѣ выѣхать въ полкъ.

II.

Поселившись вдвоемъ въ маленькомъ городкѣ, гдѣ стоялъ пандурскій полкъ, Кузьма Васильевичъ и крошечная Аннушка зажили весело и обожали другъ друга. Капитанъ въ питомицѣ души не чаялъ, она же любила его не меньше своихъ куколъ и звала «Кузенькой», при чемъ цѣловала его всякій день столько же, сколько и свою любимицу, фарфоровую Машу во французскомъ платьѣ, которую ей выписалъ капитанъ изъ Москвы, уплативъ цѣлыхъ десять рублей. Не даромъ Маша на кораблѣ въ Питеръ пріѣхала и оттуда въ Москву попала.

Не прошло, однако, и году, какъ Карсановъ получилъ свой «абшидъ», но по собственному желанію. Онъ выѣхалъ съ питомицей въ дальній путь, черезъ мѣсяцъ былъ въ городѣ Кирсановѣ и уже покупалъ маленькое имѣніе. Капитанъ рѣшилъ, что ему, Карсанову, надо жить въ Кирсановѣ или поблизости. Но здѣсь произошло главное событіе въ его жизни: онъ женился на своей питомицѣ, которой еще не хватало двухъ мѣсяцевъ до полныхъ пятнадцати лѣтъ.

Когда Кузьма Васильевичъ разъяснилъ Аннушкѣ, какимъ способомъ она можетъ его осчастливить, и сдѣлавъ ей предложеніе, то она бросила куклы и прыгала чуть не до потолка. Выйти замужъ, да еще вдобавокъ за «Кузеньку», ей представлялось такимъ веселымъ, такимъ прелестнымъ, что занятіе, конечно, ничего не придумаешь.

— А долго это будетъ продолжаться?—спросила она.

— Что такое?

— А вотъ, наша свадьба?

— Самая свадьба около часу.

— А потомъ, я долго буду вашей супругой?

— Всю жизньъ.

— И меня барыней будутъ звать, Анной Семеновной?

— Понятное дѣло.

— И тоже на всю жизньъ?

— Тоже.

— На всю жизньъ!—воскликнула Аннушка и стала прыгать еще пуще.

Справивъ скромно свою свадьбу въ городѣ Кирсановѣ, капитанъ занялся устройствомъ своего будущаго мѣстожителства. Стройка пошла быстро, и осенью онъ уже переѣхалъ въ новую чсадьбу, при которой только еще не было службъ.

И вотъ теперь минуло уже почти два года съ тѣхъ поръ, что капитанъ женился на пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которой тогда на видъ можно было дать и двѣнадцать. Теперь Аннушка стала немножко повыше и немножко круглѣе, но все-таки при своей миниатюрности съ трудомъ могла въ глазахъ всякаго почестъся замужней женщиной. Диковинно она была мала.

Однако, за эти два года много воды утекло. Анна Семеновна начала скучать среди лѣса дремучаго, изрѣдка плакать и убиваться, собираясь бѣжать то въ монастырь, то на край свѣта, а чаще всего въ прорубь рѣчки за садомъ. Капитанъ волновался, тревожился, боялся этихъ угрозъ, такъ какъ притворства въ Аннушкѣ не было. И, несмотря на то, что онъ былъ страшно ревнивъ, онъ рѣшился нѣсколько разъ выѣхать съ женой изъ своего гнѣзда въ Тамбовъ, а два раза въ Москву, и, наконецъ, однажды обѣщаль женѣ вскорѣ собраться къ святымъ угодникамъ въ Кіевъ помолиться о дарованіи имъ потомства.

Эти путешествія перевоспитали маленькую капитаншу, принесли ей пользу, а капитану одинъ вредъ, ибо послѣ каждого путешествія Аннушка еще болѣе скучала въ усадьбѣ среди лѣса. Понятно, что она кое-что сообразила, сначала неявно, потомъ явнѣе, и стала досадовать на себя. Вспоминая, какъ прыгала она при извѣстїи, что выйдетъ замужъ за Кузьму Васильевича и станетъ барыней, она понемногу пришла къ раскаянію, пеняла на него и на себя, а вскорѣ начала втихомолку плакать горько и неутѣшно. Теперь она уже отлично поняла все, понимала, что не только не слѣдовало ей никогда выходить за Кузьму Васильевича, но и ему, старику, не слѣдовало и даже грѣхъ было на ней жениться, будучи на сорокъ лѣтъ старше ея.

Состоявшаяся среди лѣта поѣздка въ Кіевъ подлила масла въ огонь. Не до молитвы было Аннушкѣ. И, наконецъ, къ довершенію всѣхъ золъ, особый случай по дорогѣ изъ Кіева обратно домой окончательно пересоздалъ капитаншу, если не совсѣмъ съ ума свелъ. Да и было отчего...

Верстахъ въ семидесяти отъ Кіева они должны были остановиться поневолѣ на станціи среди степи. Тутъ было много народа, сѣвзжихъ съ двухъ концовъ дворянъ. Всѣ застряли. Лошадей почтовыхъ никому не давали, такъ какъ ожидался проѣздъ главнокомандующаго русской арміей по пути въ предѣлы турецкіе. Ъхалъ самъ свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Капитанша несказанно рада была увидѣть знаменитаго вельможу, про котораго мужъ много и часто рассказывалъ ей. Самъ Карсановъ былъ тоже очень доволенъ неожиданнымъ случаемъ представиться и даже представить жену, благодаря исключительной обстановкѣ и особымъ, все упрощавшимъ обстоятельствамъ. Въ маленькой деревушкѣ среди степи какой же можетъ быть этикетъ?

И, дѣйствительно, при появленіи на станціи именитаго и славнаго любимца государыни, заслуженный пандуръ не только представился съ женой, но былъ обласканъ вельможей и приглашенъ въ

числѣ прочихъ проѣзжихъ дворянъ къ столу, то-есть къ завтраку, который былъ, конечно, сервированъ такъ, какъ если бы всѣ находились въ Петербургѣ, а не среди степи. Не только дивная посуда и серебро явились, какъ по манію волшебника, не только угощеніе было по-царски роскошно, но даже всякія рѣдкія заморскія вина полились рѣкой. Не даромъ за экипажемъ вельможи двигалась цѣлая вереница фургоновъ съ прислугой и провіантомъ.

Но этого мало. Свѣтлѣйшій почему-то посадилъ около себя именно капитаншу и угощалъ ее предпочтительнѣе, и любезничалъ съ ней сугубо.

Старый пандуръ, какъ ревнивецъ отъ природы, сидя нѣсколько въ отдаленіи, приглядывался и краснѣлъ отъ удовольствія, но и отъ боязни, что жена будетъ очарована. Онъ, конечно, не зналъ, да и никто на его мѣстѣ не могъ бы предположить, что вельможа, падкій на прекрасный полъ, остановился здѣсь лишнихъ два-три часа исключительно затѣмъ, чтобы полюбезничать съ женщиной-крошкой. А крошка эта именно сразу ему сильно приглянулась своей рѣдкой миниатюрностью, и онъ ее прозвалъ уже тотчасъ «пандурочкой».

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ ревновать было нельзя—и неудобно, и бессмысленно. Благосклонность вельможи не могла быть истолкована въ дурную сторону, такъ какъ черезъ часъ-два вельможа двинется далѣе, по пути... чуть не на край свѣта, во всякомъ случаѣ на край Россіи, къ границѣ Турціи.

Приближенные князя знали и понимали больше пандурскаго капитана и крошечной капитанши. Они знали, что завтракъ на этой станціи не предполагался и что его вдругъ по неожиданному приказу кое-какъ съ трудомъ состряпали. Но близкіе люди, и свита, и прислуга, давно привыкли къ своему обожаемому князю и ко всѣмъ его «чудесамъ». Сегодня онъ изъ-за прихоти всѣхъ и все кверху ногами перевернетъ, а завтра самъ удивится и спросить:

«Что такое приключилось? Кто такое приказалъ? Я же?! Да что вы на меня все поклепы взводите! Идолы!»

И приближенные сообразили, конечно, тотчасъ, что красивая и крошечная, не то женщина, не то куколка, оказавшаяся 17-лѣтней капитаншей, женой пандурскаго офицера съ шестымъ десяткомъ лѣтъ на плечахъ, заинтересовала среди тоски и однообразія дальняго пути ихъ всевластнаго и прихотливаго повелителя.

— Вотъ такъ пандурочка!—воскликнулъ онъ.—Никогда еще такой крохотули не видалъ. Тринадцать лѣтъ дать нельзя. Подавать завтракать. Поспѣемъ. Турка отъ насъ не уйдетъ!

И около станціоннаго дома, на лугу, вдругъ состоялось пированіе. Всѣхъ дворянъ позвали къ столу, но «стола» не было, ибо такого большого, на тридцать человѣкъ, никогда въ этихъ краяхъ и не бывало. На травѣ были разостланы ковры, и всѣ усьлись кругомъ, какъ кто могъ удобнѣе и вѣжливѣе.

— Не бойсь, государи мои!—восклицалъ весело хозяинъ, ра-